

Сронзительный плач врывается в настороженную тишину зрительного зала. Свернувшись калачиком на диване, капризничает девочка лет двенадцати. Беспомощно хлопчет возле балоницы бабушка, мать уходит на работу встревоженная.

С такого будничного эпизода начинается пьеса Г. Мазина «Люська», поставленная в Каменск-Уральском драматическом театре режиссером Е. Зариним. И это неплохо. Но, затрагивая интересную и важную тему, тему воспитания детей, супружеских взаимоотношений, автор не выходит за пределы небольшого интимного мирка своих героев. В пьесе «Люська» — да и в спектакле — нет серьезных раздумий, глубоких обобщений. Сама по себе достоверная люськина судьба показана примитивно — с расчетом лишь на броскость сюжета и «кассовость» темы. Драматургу нельзя отказать в известной наблюдательности, но он ограничивается беглой разработкой уже не новой сюжетной схемы, построенной на треугольнике: отец — мать — ребенок. Не отмечена пьесы ни достаточным художественным вкусом, ни гражданской чуткостью к большой теме. Много в ней банального и фальшивого. Не потому ли скучает зал, когда Нина Петровна Кузнецова на скверно освещенной сцене читает в одиночестве старые письма мужа? Не потому ли спектакль прерывается смехами в самых «трагических» местах? Особенно неудачны сцены, когда мятающаяся Нина Петровна не может решиться; вернуть Люське отца или «искать утешения» в новом браке с Сергеем Прониним.

Казалось бы, есть от чего дрогнуть сердцу: Люська, слышавшая от матери и бабушки, что отец ее погиб на фронте, вдруг обретает его в виде доброго и ласкового «дяди Миши». Как всякий ребенок, она тянется к отцовской ласке, человечности и теплу, она хочет вернуть в семью своего папу. Все это вполне достоверно, в жизни так бывает. Но автор не сумел художественно осмыслить события и поступки героев, перед нами голая схема. А чего стоит язык, на котором изъясняются герои пьесы! Тут и такие выражения, как «наш мост... в весну», и слащавые истины о любви и семейном очаге.

Спектакль Каменск-Уральского театра так же далек от истинной художественности, как и сама пьеса. Ничего не сделал режиссер, чтобы углубить ее содержание, найти интересную, свежую форму сце-

БУДЕМ ВЗЫСКАТЕЛЬНЫ

Гастроли Каменск-Уральского
театра в Свердловске

нического повествования. Инертность режиссуры спектакля порождает общий для большинства исполнителей недостаток — поверхностную трактовку образов, неглубокое раскрытие характеров.

Артистка А. Кудрявцева, исполняющая роль матери Люськи, играет с излишним пафосом, ложной значительностью, без внутреннего ощущения переживаний героини. Скванно и однопланово на протяжении всего спектакля выглядит А. Клиндухов в роли Сергея Пронина. Артист Е. Большаков достаточно искренне передает большие раздумья отца, совершившего непоправимую ошибку по отношению к семье. Но и он не избежал в отдельных местах рисовки, внешнего показа, особенно в первом действии. Образ бабушки Варвары Ивановны в исполнении П. Калининой представляется нам излишне обывательным, слишком явно чувствуется нажим на характерность.

Наиболее полно выписанный автором образ двенадцатилетней девочки Люськи обрел интересную исполнительницу в лице И. Швецовой. Молодая актриса цементирует весь спектакль. Много в ней подкупающего обаяния, чистоты и искренности. Ее Люська — живой подросток со сложным, противоречивым характером. И. Швецовой еще недостает сценического мастерства — неустойчив голос, не всегда точна фраза. Но настоящая увлеченность актрисы материалом роли придает образу Люськи наполненность, которая захватывает и волнует.

Однако эта несомненная актерская удача не может искупить всех режиссерских и актерских просчетов, свойственных спектаклю. «Люська» — лишний пример, подтверждающий всем известную истину, что невозможно создать хороший спектакль на основе плохой пьесы, включенной в репертуар вопреки высоким вкусам зрителя.

Пьеса американских драматургов Гоу и Д'юссо «Глубокие корни» привлекает остротой событийностью, динамично развивающимся действием, а главным образом — страстностью в обличении расовой дискриминации. К сожалению, и на этом материале театр не смог создать волнующего спектакля. В постановке А. Нечаева утрачена в какой-то мере острота столкновений

между людьми противоположных убеждений, снижен собы-

тийный накал, свойственный пьесе.

Есть в спектакле работы, отмеченные истинным вдохновением и глубиной (Белла Чарльз — А. Самарина, Рой Максвелл — Н. Истомина, Бретт Чарльз — Р. Рыков), но есть и поверхностные решения, построенные лишь на внешних обозначениях характера (Элсуорт Лэнгдон — К. Шувалов, Гоней Тернер — С. Шелестова, Алиса — Н. Петрова). Этот спектакль, конечно, в целом значительно интереснее, собраннее и профессиональнее «Люськи», но и ему свойственны некоторые из тех же недостатков. Главный из них — разночтение в трактовке образов, в исполнительской манере, ведущее к нарушению ансамбля.

Общие для совершенно различных по теме и воплощению спектаклей недостатки наводят на мысль о малой взыскательности режиссуры, не сумевшей глубоко заинтересоваться творческой судьбой каждого актера, просмотревшей укореняющиеся в исполнительской манере штампы. Даже в «Чужом ребенке» (режиссер А. Нечаев) наиболее ярком из показанных в Свердловске спектаклей, сыгранном с точным ощущением жанра, избилующем настоящие актерскими удачами (Караулов — заслуженный арт. РСФСР Н. Казарин, Ольга Павловна — Л. Казарина, Яков — Р. Рыков, Сенечка Перчаткин — А. Баранов), многим исполнителям присущи лобовой нажим, подмена истинных чувств и переживаний героев внешним показом (Маяя — Н. Ларичера, Зина — Н. Шеповских, Александр Миронович — О. Калабанов).

И дело тут не в том, что один актер «справился» с ролью и «раскрыл» характер, а другой не смог добиться этого, — чувство тревоги возникает за творческую линию театра в целом. Не слишком ли облегчает коллектив свою профессиональную жизнь? Почему и в репертуаре гастролей, состоящем преимущественно из пьес камерного плана, и в толковании спектаклей далеко не в полную меру используются возможности способного коллектива? В труппе немало людей одаренных, горячо любящих сцену. Но их усилия необходимо, как говорится, привести к общему знаменателю — творческому ансамблю, сплоченному единым стилем, единой методикой работы над образом.

Будем надеяться, что следующая встреча с Каменск-Уральским театром принесет зрителям Свердловска больше радости.

И. ГЛЕБОВА.

7 О К Т 1956

Уральский рабочий
г. Свердловск